

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Том 15

Москва
2015

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Кочеров С.Н.</i> Парадоксы моральной свободы	5
<i>Мехед Г.Н.</i> Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы.....	27

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Серёгин А.В.</i> Два аргумента против гедонизма в платоновском «Горгии»	51
<i>Платонов-Поляков Р.С.</i> Бытие к счастью: эвдемония в этике Аристотеля	70
<i>Зубец О.П.</i> 94-й сонет Шекспира и фрагмент о Величавом Аристотеля: загадка сходства	91
<i>Гаджикурбанов А.Г.</i> Коллизия натурализма и морализма в понимании Спинозой нравственных начал	117
<i>Прокофьев А.В.</i> Организационные потребности общества как исток морали в этике Бернарда Мандевиля.....	139
<i>Апресян Р.Г.</i> Понятие морального чувства в этике Френсиса Хатчесона (ранний период).....	170
<i>Троицкий К.Е.</i> Моральная теория Иммануила Канта и идея императивности в философской мысли Германии конца XIX – начала XX вв	201
<i>Рогожа М.М.</i> Этические импликации смыслов тоталитаризма в исследованиях Ханны Арендт	221
<i>Гельфонд М.Л.</i> Этика Л.Н. Толстого: дилемма свободы и закона	245
<i>Демидова Е.В.</i> Появление Другого у раннего М.М. Бахтина	274

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Обсуждение книги А.В.Прокофьева «Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости». Участники: <i>Р.Г.Апресян, Б.Н.Кашиников, Л.В.Максимов, О.В.Артемова, Г.Ю.Канарш, М.Л.Гельфонд, К.Е.Троицкий, Г.Н.Мехед, А.В.Прокофьев</i>	297

Г.Н. Мехед

Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы*

Мехед Глеб Николаевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: mekhed_gleb@mail.ru

В данной статье автор затрагивает проблему определения морального абсолютизма, а также выявления его наиболее специфических черт. Анализ показывает, что специфика морального абсолютизма состоит в особой трактовке морального долженствования, придании ему сверхценного статуса, что ведет к радикальному противопоставлению морально-должного и сущего, утверждению дуалистической онтологии. Некоторые характерные особенности абсолютизма проиллюстрированы на примере тех дискуссий, которые ведутся начиная с конца 1960-х гг. в современной англоязычной этике вокруг морального абсолютизма. Можно сказать, что эти дискуссии, остро выявившие различия между абсолютистским и консеквенциалистским подходами, подспудно оказывают влияние на весь современный нормативно-этический дискурс. В статье кратко проанализированы и рассмотрены концепции двойного эффекта Филиппы Фут, деонтология Алана Донагана и «конкретный абсолютизм» Алана Гевирта.

Ключевые слова: этика, моральный абсолютизм, деонтология, консеквенциализм, доктрина двойного эффекта, Алан Донаган, Филиппа Фут, Алан Гевирт

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Моральная императивность: источники, природа, формы репрезентации», осуществляемого при поддержке РГНФ, грант № 14-03-00429.

Абсолютизм и консеквенциализм

Анализ абсолютизма в первую очередь предполагает прояснение понятий. Абсолютность – весьма абстрактное понятие, которое состоит в сложной взаимосоотнесенности с другими характеристиками морали, усматриваемыми в ней этической теорией, такими как объективность, универсальность, безусловность, категоричность. Этим обусловлено то, что оппозиция абсолютизма и релятивизма может проявляться на разных «уровнях» этической мысли, которые не следует смешивать. Трудности с ясной формулировкой, как отмечает Р.Г. Апресян, в первую очередь связаны с тем, что «в осмыслении феномена абсолютности не всегда учитывается различие между философско-этическим (или мета-этическим) и философско-практическим (или нормативно-этическим) содержанием понятия морали»¹. Однако в последние годы в англоязычной и отечественной литературе² под моральным абсолютизмом принято понимать именно нормативно-этический, деонтологический абсолютизм, отличая его от этического абсолютизма как особого объективистского подхода в метаэтике.

В самом общем виде, моральный абсолютизм утверждает, что граница между добром и злом константна и безусловна во всех возможных мирах. Сама эта граница может быть установлена с помощью универсального принципа, но в конечном нормативном виде она приобретает форму простого запрета, который не зависит от социальных, природных или иных внешних условий. Например, убийство человека есть моральное зло при любых обстоятельствах, в любой ситуации и во все времена, а признание убийства абсолютным злом – необходимое минимальное условие добра. В противоположность абсолютизму, релятивизм утверждает, что константной границы между добром и злом не существует, что границы между этими понятиями динамично меняются и их значение определяется контекстом конкретной ситуации.

Деонтологический подход, традиционно тесно связанный с абсолютизмом, предполагает, что с моральной точки зрения цены не столько последствия поступка, сколько сам поступок как

¹ Апресян Р.Г. Смысл морали // Мораль: Разнообразие понятий и смыслов: сб. науч. тр. к 75-летию акад. А.А. Гусейнова. М., 2013. С. 54.

² См.: Кузнецова Г.В., Максимов Л.В. Природа моральных абсолютов. М., 1996.

таковой, безотносительно его возможных последствий и любых «гипотетических» мотивов. В оценке поступка главную роль играет соответствие или несоответствие поступка, его непосредственной интенции, определенным критериям долга. В этой связи часто говорится о внутренней ценности (intrinsic value) поступка, не связанной напрямую с его внешней ценностью, которая определяется последствиями. Как отмечает Ч. Фрид³, деонтология вместо понятия «блага» предпочитает оперировать такими понятиями, как «должное» и «недолжное». Эти понятия очерчивают границы морали, которые не совпадают с границами эмпирического мира, они «являются основаниями нашей моральной личности»⁴, условиями нашего бытия как разумных существ. Тем самым деонтология как бы раздваивает мир на две области – должного, субстрата морали, и сущего, в принципе иррелевантного морали⁵, соответствующего стоической «адиафоре» (ἀδιάφορος), т. е. «безразличному». Таким образом, категория блага для деонтологии и абсолютизма сама по себе индифферентна морали; благо, как и счастье, является не высшей целью и сутью морали, а лишь ее необходимым следствием⁶.

Для консеквенциалистского подхода в целом характерна оценка поступка с точки зрения его предвиденного результата, т. е. важен не столько сам поступок, сколько последствия, к которым он привел, и контекст ситуации, в которой совершается выбор. Иными словами, консеквенциализм исходит из того, что именно «цели, а не средства определяют мораль»⁷ и составляют ее сущность. Поступок, соответствующий долгу, но который привел к негативным последствиям, оценивается в рамках консеквенциалистского подхода в целом отрицательно. Это не значит, что консеквенциализм, в отличие от деонтологии, ориентирован лишь

³ *Fried C. Right and Wrong as Absolute // Absolutism and its consequentialist critics. Lanham, 1994. P. 73.*

⁴ *Ibid. 74.*

⁵ Об этой особенности абсолютизма более подробно будет сказано в следующем разделе.

⁶ Кстати, на подобной логике основан контраргумент Т.Нагеля в защиту абсолютизма против обвинений в чрезмерной озабоченности чистотой совести. См.: *Nagel T. War and Massacre // Absolutism and its consequentialist critics. P. 217–237.*

⁷ *Fried C. Right and Wrong as Absolute. P. 74.*

на «внешнюю» ценность, определяемую последствиями; однако понятие «внутренней» ценности консеквенциализм приписывает только определенному положению дел в мире⁸. Поэтому, как отмечает Т.Нагель, консеквенциализм «преимущественно озабочен тем, что *произойдет*», то время как «абсолютизм преимущественно озабочен тем, что он (моральный субъект. – Г.М.) *делает*»⁹.

При этом консеквенциализм совсем не означает тотального релятивизма, ведь он, по крайней мере, предполагает возможность различения добра и зла. Другое дело, что сам критерий различения весьма относителен и определяется исходя из анализа тех последствий, к которым ведут альтернативы морального выбора, что предоставляет основу для субъективистских и антиуниверсалистских интерпретаций. Поэтому можно сказать, что в нормативно-этическом плане противостояние абсолютизма и релятивизма выражается в противостоянии деонтологического подхода и консеквенциализма¹⁰.

Лучше всего разницу между абсолютистской версией деонтологического подхода и всеми остальными нормативно-этическими теориями, в том числе неабсолютистской деонтологией, иллюстрирует вопрос, сформулированный Р.Г. Фраем: «Есть ли такие поступки, совершение которых будет всегда неправильным, независимо от последствий?»¹¹. Позитивный ответ на этот вопрос очерчивает поле абсолютизма. Кай Нильсен, известный антиабсолютист, предпочитает называть такую концепцию «моральным консерватизмом». С его точки зрения, это «нормативно-этическая теория, которая утверждает наличие привилегированных мораль-

⁸ *Williams B. A Critique of Consequentialism // Absolutism and its consequentialist critics. P. 93–107.*

⁹ *Nagel T. War and Massacre. P. 218.*

¹⁰ С другой стороны, если консеквенциализм настаивает на том, что моральный выбор *всегда* должен быть совершен *только* исходя из анализа последствий, то такой консеквенциализм сам превращается в разновидность абсолютизма. И тогда, возможно, нужно говорить об абсолютизме норм и абсолютизме ценностей. См.: *Haber J.G. Introduction // Absolutism and its consequentialist critics. P. 1–15; Williams B. A Critique of Consequentialism. P. 93–107; Gewirth A. Are There Any Absolute Rights? // Absolutism and its consequentialist critics. P. 129–146.*

¹¹ *Frey R.G. What a Good Man Can Bring Himself to Do // Absolutism and its consequentialist critics Lanham, 1994. P. 109.*

ных принципов или комплекса таких принципов, которые предписывают определенные действия; не поступать в соответствии с этими принципами будет всегда неправильно, независимо от последствий»¹². Поэтому правильнее было бы определить абсолютизм как частный случай или, согласно Дж. Хаберу, «сильную версию» деонтологического подхода¹³.

В то же время далеко не все сторонники деонтологии соглашались в этом пункте с абсолютистами и однозначно ответят «да» на вопрос Р.Г. Фрая. В отличие от консеквенциализма, неабсолютистский деонтологический подход исходит из приоритета долга по отношению к последствиям, «должного» по отношению к «благу», однако, как указывает Хабер¹⁴, этот приоритет может не распространяться на определенные условия, при которых тяжесть последствий настолько перевешивает необходимость выполнения простого требования, что долгом морального субъекта будет нарушение этого требования, каким бы «священным» оно ни казалось. Такая смесь консеквенциализма и деонтологии у некоторых авторов получила название «пороговой деонтологии» (“threshold deontology”)¹⁵, однако очевидная проблема данного подхода в неспособности четко определить порог, после которого необходимо руководствоваться консеквенциалистской логикой.

При этом «слабая», неабсолютистская версия деонтологии может апеллировать к каким-то другим, необязательно консеквенциалистским условиям. Например, разграничивая разные смыслы морального требования – убийство невиновного всегда является злом, но убийство в рамках самообороны или во время защиты кого-то от агрессии не является убийством и может преподноситься даже как моральный долг. Таким образом, неабсолютистские деонтологи все-таки тем или иным образом обуславливают исполнение морального запрета. Сторонниками такого деонтологического, но не абсолютистского подхода, по мнению

¹² *Nielsen K.* Against Moral Conservatism // Absolutism and its consequentialist critics. P. 161.

¹³ *Haber J.G.* Introduction // Absolutism and its consequentialist critics. P. 2–3.

¹⁴ *Ibid.* P. 3–5.

¹⁵ *Waldron J.J.* What are Moral Absolutes Like? // New York University Public Law and Legal Theory Working Papers. Paper 301, 2011. P. 38. [Electronic resource] URL: http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1302&context=nyu_plltw (дата обращения: 05.07.2014).

Хабера, являются Э. Энском, А. Донаган и Т. Нагель. К ним, возможно, следовало бы добавить Ч. Фрида и Р. Нозика с его концепцией абсолютов как «боковых ограничителей»¹⁶, своеобразных правил игры, которые в случае особо катастрофических последствий могут быть нарушены.

Иными словами, если деонтология исходит из *приоритета* долга, то моральный абсолютизм исходит из того, что в оценке поступка важен *только* долг и то, насколько точно он совпадает с требованием безусловности и безотносительности, насколько четко соблюден принцип автономии морального должествования, выраженный в соблюдении конкретных норм, которым приписывается абсолютный характер. Абсолютизм апеллирует к категоричности¹⁷ как существенной характеристике морального требования, в то время как «слабая» версия деонтологического подхода допускает взгляд на мораль как систему гипотетических императивов¹⁸. Говоря кантовским языком, с точки зрения абсолютизма субъективная максима поступка должна определяться только объективной формой самого закона. И хотя такая постановка вопроса оспаривается даже некоторыми абсолютистами, в целом она выражает внутренний идеал абсолютизма, его сущностную интенцию.

Однако вернемся к современным дискуссиям. В целом, стратегия деонтологического подхода (и «сильной», и «слабой» версий) заключается в дезавуировании консеквенциалистского подхода с помощью апелляции к простым нравственным интуициям и доказательству того, что утилитарист или любой другой сторонник консеквенциализма в своей десакрализации моральных запретов готов пойти так далеко, что граница между злом и добром утратит всякий смысл. Так, в связи с трагическими событиями 11 сентября 2001 г. в современной англоязычной философско-правовой и этической литературе широко обсуждается допустимость пыток¹⁹. Дискуссии в основном вращаются вокруг «кейса» под названием

¹⁶ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.

¹⁷ Fried C. Right and Wrong as Absolute. P. 76.

¹⁸ Foot P. Morality as a System of Hypothetical Imperatives // The Philosophical Review. 1972. Vol. 81. No. 3. P. 305–316.

¹⁹ См.: Torture: Moral Absolutes and Ambiguities / Eds.: B. Clucas, G. Johnstone, T. Ward. Baden-Baden, 2009; Waldron J.J. What are Moral Absolutes Like? По мотивам этих дискуссий в 2009 г. в Голливуде даже был снят фильм под названием «Немыслимое» (“Unthinkable”).

«тикающая бомба» – допустимо ли пытаться террориста, чтобы узнать, куда он заложил бомбу, в противном случае может погибнуть много людей.

Аргументация консеквенциалистов во многом отзеркаливает стратегию абсолютистов, но со знаком минус. Неизменна апелляция к интуиции, добавляется лишь большая настойчивость в призывах следовать здравому смыслу. «В экстремальных ситуациях, утверждают критики (абсолютизма. – Г.М.), мы бы согласились с тем, что агент должен сделать гнусное злодеяние (например, убийство невиновного), потому что в противном случае это приведет к катастрофическим последствиям (например, гибели сотен людей)»²⁰, – пишет МакКоннелл.

Следует признать, что в соревновании за симпатии обывательской интуиции, шокированной гипотетическими катастрофическими последствиями соблюдения некоторых священных и неколебимых запретов, особенно когда речь заходит о негативных последствиях для членов семьи, выигрывает консеквенциализм, просто потому, что он, как подметил Дж. Валдрон²¹, просто умножает в несколько раз объемы зла, которое полагается абсолютистом как безусловное. Например, если недопустимым считается пытаться людей, то можно вообразить ситуацию, в которой предлагается освободить узников целой фабрики пыток в обмен на пытку только одного человека и т. п. При этом из-за своих симпатий к абсолютизму с его дуалистической онтологией даже у «слабой» версии деонтологического подхода всегда возникали сложности с анализом так называемых трудных случаев, которые во множестве разрабатывались его противниками и в которых жесткая (или относительно жесткая) привязка к требованию безусловности морального долженствования всегда приводила к нелепостям и коллизиям со здравым смыслом и простой моральной интуицией. Именно в контексте обсуждения многочисленных «трудных случаев» и моральных дилемм – в качестве сконструированных мысленных экспериментов или же реальных историй – и строится полемика между современными консеквенциалистами и абсолютистами, что и определяет ее своеобразие.

²⁰ *McConnell T.C.* Moral Absolutism and the Problem of Hard Cases // *The Journal of Religious Ethics*. 1981. Vol. 9. No. 2. P. 287.

²¹ *Waldron J.* What are Moral Absolutes Like? P. 24.

Эксклюзивизм, интенционализм, негативизм

В основе последовательно абсолютистского подхода лежит довольно жесткая дихотомия «должное – сущее». В принципе, позицию такого абсолютизма можно охарактеризовать как «эксклюзивизм»²² или «дуализм». Это та черта абсолютистской перспективы, которая была обозначена Р.А. Даффом как «направленность на трансцендентные ценности – на моральные требования, которые превосходят все чисто человеческие интересы»²³. Очевидно, реальность при таком понимании дробится на два измерения; должное абстрагируется и фактически изымается из области сущего, противопоставляется ему как идеальный образец, никогда, однако, недостижимый и неосуществимый в рамках «сущего», поскольку «сущее» явлено в форме причинно-следственных отношений, жесткого закона детерминизма, в границах которого якобы нет места подлинной свободе. «Запросы абсолютистской морали, – отмечает Дафф, – имеют статус, независимый от любой теории благоденствия человека, и приоритетны для нее»²⁴.

Отталкиваясь от подобной радикально-дуалистической предпосылки, деонтологический абсолютизм в своих крайних версиях приходит к не менее радикальному интенционализму²⁵. Эта тенденция смещения фокуса внимания этики с результатов поступка на само нравственное, внутреннее качество поступков намечается еще у стоиков и ярко отражена в этике Абеяра. Канту, так же как Абеяру и стоикам, присущ этот дуализм. Кант разделил мир на мир должного, мир свободы, и мир сущего, мир природной и социальной детерминации. Однако никакой самый мощный интеллект никогда не сможет просчитать все звенья причинно-следственных отношений, к каковым относятся последствия поступка, а поэтому

²² Левин С.М. Мораль, метафизика и реальность // *Вопр. философии*. 2013. № 7. С. 144–153. При этом автор статьи предупреждает (С. 146), что не стоит отождествлять моральный абсолютизм и эксклюзивизм, поскольку последний представляет собой чисто метаэтическую позицию. Однако, на мой взгляд, будет правильно сказать, что моральный абсолютизм всегда или почти всегда предполагает эксклюзивизм как метаэтическую предпосылку.

²³ Duff R.A. *Absolute Principles and Double Effect* // *Analysys*. 1976. Vol. 36. No. 2. P. 75.

²⁴ Ibid.

²⁵ Эту черту абсолютизма особо подчеркивают Ч. Фрид и Р.А. Дафф.

нет никаких гарантий, что те последствия, на которые рассчитывает консеквенциалист, действительно сбудутся. Поэтому поступок как нечто частное, ситуативно-случайное, сопряженное с феноменальным миром сущего, отделяется Кантом от ядра, центра моральности – самой автономной личности как носителя морального закона. Он ограничивает область морали только самим актом принятия морального решения, «проектом поступка», поскольку только на этой стадии морального поступка человек может «отсечь», как считает Кант, все склонности. Таким образом, поступок как явление эмпирическое фактически изымается из зоны моральной ответственности субъекта; ей соответствует только сам «проект» поступка как интенциональный акт, как соответствие воли и долга. Все остальное – предмет «специальной ответственности», если воспользоваться термином М.М. Бахтина²⁶.

По выражению А.А. Гусейнова, характерному для абсолютизма в целом, моральные мотивы не являются мотивами в ряду других мотивов, а представляют собой «инстанцию контроля качества»²⁷, «они как бы образуют особый, второй уровень мотивации, являются своего рода мотивами мотивов»²⁸. Поэтому мораль с точки зрения абсолютистского подхода концентрируется прежде всего в негативных запретах, которые принимают форму категорических суждений, с необходимостью предписывающих запрет на определенные действия и утверждающих «золотой стандарт» поведения. Негативные требования исполняют функцию «пограничного контроля», они как бы высвечивают границы морали, отделяют ее от сферы «адиафоры». Запреты путем негации «обозначают пределы, границы, в случае нравственности они выделяют ее собственное пространство, фиксируя то, чем она не может, не должна быть»²⁹. Ориентацию на негативные запреты как существенную черту морального абсолютизма отмечает и Р.А. Дафф³⁰.

²⁶ Бахтин М.М. <К философии поступка> // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 7–69.

²⁷ Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // Вопр. философии. 2003. № 3. С. 3–12.

²⁸ Гусейнов А.А. Нравственность в свете негативной этики. Смысл морали // Мораль: Разнообразие понятий и смыслов: сб. науч. тр. к 75-летию акад. А.А. Гусейнова. М., 2013. С. 27.

²⁹ Там же. С. 29.

³⁰ Duff R.A. Absolute Principles and Double Effect. P. 75–76.

Как эти черты морального абсолютизма – интенционализм, эксклюзивизм и негативизм – конкретизируются и интерпретируются в современных нормативно-этических подходах, я хотел бы проиллюстрировать на концепции доктрины двойного эффекта Ф. Фут, антиконсевенциализме А. Донагана и «конкретном абсолютизме» А. Гевирта. Конечно, эти концепции далеко не исчерпывают весь арсенал абсолютистской и деонтологической аргументации, однако они в каком-то смысле типичны и позволяют наглядно увидеть разницу между абсолютизмом, к которому склоняется Гевирт, и неабсолютистской деонтологией Фут и Донагана.

Доктрина двойного эффекта

Идею интенциональности в той или иной степени используют все абсолютисты, однако особенно активно ее разрабатывают сторонники доктрины двойного эффекта (ДДЭ). К этой идее апеллирует еще средневековая концепция, разработанная Фомой Аквинским, а в современное время ее наиболее знаменитыми проponentами являются Э. Энском и Ф. Фут. Обстоятельный критический обзор ДДЭ, а также история ее возникновения представлены в недавней статье А.В. Прокофьева³¹, поэтому я постараюсь ограничиться лишь ее общей характеристикой.

Как отмечает Ф. Фут, «доктрина двойного эффекта основывается на различии между тем, что человек предвидит как результат своего сознательного действия, и тем, что, в строгом смысле, он намеревается сделать»³². В то же время человек может не стремиться к предвиденным последствиям своих сознательных действий ни в качестве цели, ни в качестве средства. В этой связи Ф. Фут ссылается на различие, введенное Бентамом, между косвенным и прямым намерением, принципиально важное для понимания логики ДДЭ. В некоторых случаях модус косвенной интенции позволяет с моральной точки зрения допустить то, что не позволительно в модусе прямой интенции.

³¹ Прокофьев А.В. Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о применении силы // Этическая мысль. Вып. 14. М., 2014. С. 43–64.

³² Foot F. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Absolutism and its consequentialist critics. P. 148.

В соответствии со своим названием эта концепция несет в себе двойной заряд. С одной стороны, ДДЭ выдвигает аргумент в защиту абсолютизма, связанный с разработкой понятия намеренности или интенциональности. Например, в «кейсе», приведенном Бернардом Вильямсом³³, некий английский путешественник становится свидетелем подготовки к смертной казни двадцати индейцев, обвиненных в попытке восстания. Ответственное за эту казнь лицо, основываясь на местных обычаях, предлагает путешественнику лично убить одного из двадцати приговоренных, и тогда остальные будут помилованы. ДДЭ позволяет снять с путешественника вину в смерти всех двадцати приговоренных, поскольку эти смерти являются побочным, ненамеренным эффектом соблюдения им запрета на прямое убийство.

С другой стороны, в некоторых ситуациях доктрина двойного эффекта, наоборот, выступает против догматичных абсолютистов и доказывает допустимость решения моральной дилеммы в духе консеквенциалистов, однако на других основаниях. Так, в случае гистеректомии при заболевании раком матки беременной женщины ДДЭ санкционирует извлечение и, соответственно, убийство плода, поскольку смерть ребенка является лишь побочным, ненамеренным эффектом, а намеренным действием является спасение жизни матери.

Для проверки валидности ДДЭ в той или иной ситуации сторонниками концепции предложен так называемый контрфактуальный тест. Лучше всего понять логику этого теста можно на примере, предложенном Ф. Фут. Бунтовщики требуют от судьи, чтобы он немедленно казнил невиновного человека, в противном случае они обещают устроить кровавую резню. В данном случае, по мнению Ф. Фут, недопустимо идти на поводу у бунтовщиков, поскольку судье необходимо совершить намеренное убийство; смерть невиновного является обязательным условием. В противоположность этим примерам, Ф. Фут приводит другой – трамвай, у которого отказали тормоза и на пути которого стоят пять человек. У водителя трамвая есть возможность свернуть на запасной путь, где находится один человек. Допустимо ли в данном случае свернуть на запасной путь? В этом случае, считает Ф. Фут, с моральной точки зрения это вполне допустимо, поскольку смерть этого человека не является необходимым условием спасения пятерых.

³³ См.: *Williams B. A Critique of Consequentialism*. P. 104.

При этом Ф.Фут выражает явное несогласие с возможностью адекватного использования ДДЭ для спасения группы спелеологов – «кейсе», введенном в научный оборот К. Нильсеном³⁴. Группа спелеологов заблокирована в пещере по вине своего тучного коллеги, застрявшего в единственном узком выходе, и неминуемо погибнет от потопа, если не воспользуется динамитом. Вроде бы этот случай должен проходить контрфактуальный тест – если проход будет освобожден и каким-то чудом тучный спелеолог останется жив, то нужный эффект будет достигнут. Однако Ф. Фут считает, «что те, кто используют доктрину двойного эффекта, будут правы, если отринут возможность подобного предположения, хотя они, конечно, будут испытывать сложности в объяснении того, где провести грань»³⁵. Действительно, трудно себе представить, что взрыв динамита оставит тучному спелеологу какие-либо шансы на выживание.

Таким образом, основной метод доктрины двойного эффекта – переформулировка, основанная на разграничении между тем, что мы совершаем непосредственно, и тем, чему просто позволяем произойти. Такая переформулировка оказывается возможной потому, что позитивный долг, согласно которому моральный агент должен помогать и спасать людей, с точки зрения Ф. Фут, слабее негативного долга, согласно которому моральный агент не должен убивать. Вместе с тем, возможность разграничения прямой и косвенной интенции, как справедливо указывает сама Ф. Фут, применительно к «кейсу» тучного спелеолога, в ряде случаев сильно затруднена, если не невозможна.

Кроме того, хотя ДДЭ и позволяет оправдать в некоторых случаях возможность выбора «консеквенциалистского» пути, она не указывает убедительную причину, по которой моральный субъект должен это сделать. Иными словами, в случае трамвая с отказавшими тормозами ДДЭ разрешает выбрать путь меньшего зла, но не обосновывает, *почему* именно этот путь правилен с моральной точки зрения. Метод переформулировки работает в данном случае против самой доктрины – он выявляет «крипто-консеквенциализм» сторонников ДДЭ, их скрытую приверженность принципу соизмеримости благ в количественных показателях, как неких положений дел в мире, что составляет существенную черту консеквенциализма.

³⁴ Nielsen K. Against Moral Conservatism. P. 164.

³⁵ Foot F. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect. P. 149.

Антиконсеквенциализм Алана Донагана

Один из последовательных критиков доктрины двойного эффекта, А. Донаган, доказывал несостоятельность ДДЭ на примерах с вынужденным абортom. С точки зрения ДДЭ краниотомия недопустима, поскольку смерть плода в данном случае является прямым намерением врача, в то время как удаление матки при беременности (гистерэктомия) в случае раковой опухоли проходит контрфактуальную проверку, поскольку смерть плода в данном случае является предвидимым, но не желательным последствием. В связи с этим Донаган отмечает, что «ошибкой было бы думать, что краниотомия является убийством нерожденного ребенка, а гистерэктомия – нет. Хирургическое вмешательство включает в себя смерть ребенка в обоих случаях, хотя в первом случае причинно-следственная цепочка короче»³⁶. Разница в описании двух случаев, достигаемая с помощью переформулировки каузальной структуры, не меняет, по мнению Донагана, общий моральный смысл. При этом, в отличие от Фут, Донаган считает допустимым и краниотомию, и гистерэктомию. Однако суть его аргументации принципиально отличается и от консеквенциализма, и от ДДЭ.

Источником вдохновения для Донагана служит иудейская моральная традиция. В старых иудейских преданиях в случае тяжелых родов младенца рекомендовалось рассматривать как «пьяного нападающего» или «сумасшедшего», который хоть и ненамеренно, но представляет угрозу для жизни матери и поэтому может и должен быть остановлен или устранен. Донаган полностью согласен с этим учением: «При любой угрозе жизни матери, вызванной ее беременностью, ее статус жертвы не подлежит сомнению»³⁷. Такой подход становится возможным на том основании, что, как считает Донаган, мать не брала на себя обязательство быть убитой при родах.

Аргументация Донагана в случае вынужденного аборта основывается на некоторых более общих принципах его теории. Его главный принцип гласит: «Всегда поступай так, чтобы с уважением относиться к каждому человеку, самому себе и другим, как разумным существам»³⁸. Из этого принципа следует, что никто

³⁶ Donagan A. The Theory of Morality. Chicago, 1977. P. 160.

³⁷ Ibid. P. 163.

³⁸ Ibid. P. 65.

не имеет право сознательно применять силу против другого. Это правило абсолютно, убийство невиновного абсолютно запрещено. Оно распространяется также и на еще не рожденных как потенциальных разумных существ. Однако это правило имеет исключение: в том случае, если субъект подвергается атаке, нападающий утрачивает право на отношение к себе как разумному существу. В таком случае допустимо использовать силу вплоть до убийства нападающего, если имеются достаточные основания считать, что оно необходимо.

Конечно, данный аргумент применительно к кейсу краниотомии имеет множество недостатков, на которые обратил внимание Т. Рейнолдс³⁹. Рассмотрение ребенка в качестве невольного агрессора в корне противоречит интуиции. Ни в случае краниотомии, ни тем более в случае гистерэктомии ребенок не является субъектом какого-либо действия или деятельности в прямом смысле слова. Поэтому обвинять его даже в непреднамеренной агрессии – абсурдно. В случае же с раком матки сам по себе ребенок никаким образом не может быть угрозой жизни матери, угрозой является рак. И, следовательно, в обоих случаях речь может идти не о том, кто «виноват», а об основаниях выбора, о взвешивании ценности жизни матери и жизни ребенка.

В качестве дополнительного довода в пользу допустимости гистерэктомии Донаганом разработан аргумент «предварительного соглашения»⁴⁰, или, как его называет МакКоннелл, «аргумент негласного соглашения»⁴¹. Например, для описанного выше случая «тучного спелеолога» этот аргумент позволяет оправдать использование динамика на том основании, что все члены группы спелеологов перед тем, как отправиться в рискованную экспедицию, дали согласие на то, что в гипотетической экстремальной ситуации группа может пожертвовать жизнью одного или нескольких своих членов. Это согласие могло быть даже негласным. Но, как справедливо отмечает Рейнолдс⁴², трудно понять, каким образом аргумент

³⁹ *Reynolds T. Moral Absolutism and Abortion: Alan Donagan on the Hysterectomy and Craniotomy Cases // Ethics. 1985. Vol. 95. No. 4. P. 866–873.*

⁴⁰ См.: *Donagan A. Cases of Necessity // Absolutism and its consequentialist critics. P. 47.*

⁴¹ *McConnell T.C. Moral Absolutism and The Problem of Hard Cases. P. 290.*

⁴² *Reynolds T. Moral Absolutism and Abortion: Alan Donagan on the Hysterectomy and Craniotomy Cases. P. 871.*

«предварительного соглашения», даже если оно негласное, можно применить для оправдания гистерэктомии. Не рожденный ребенок никаким образом не мог бы заключить подобное соглашение.

Таким образом, основным методом Донагана, как и у сторонников ДДЭ, является переформулировка, только не на основании разграничения между прямой и косвенной интенцией, а на основе понятия «виновности». Абсолютно недопустимо убийство только невиновных, причем понятие «виновности» трактуется Донаганом предельно широко, как синоним вовлеченности, что позволяет отнести к этой категории в случае тяжелых родов даже ребенка как «посягающего» на жизнь и здоровье матери или тучного спелеолога, который «виновен» самим фактом своего участия в рискованной операции. Однако, даже если подобная казуистика и позволяет смягчить чувство вины тех спелеологов, что решатся использовать динамит, непонятно все-таки, на каком основании, если мы с самого начала отвергли консеквенциалистскую логику, необходимо отдать предпочтение большей части группы, а не меньшей? Похоже, что только на основе количественной характеристики. Таким образом, Донаган оказывается в той же ситуации, что и сторонники доктрины двойного эффекта.

«Конкретный абсолютизм» Алана Гевирта

Обсуждение допустимости с моральной точки зрения в экстремальных ситуациях некоторых запрещенных в нормальных обстоятельствах поступков Гевирт предпочитает вести не в терминах абсолютных запретов, а абсолютных прав. «Право абсолютно тогда, когда оно не может быть отменено ни при каких обстоятельствах, т.е. никогда не может быть нарушено обоснованно и должно соблюдаться без каких либо исключений»⁴³. В качестве универсального критерия обоснованности моральных требований, коррелирующих с правами, Гевирт предлагает разработанный им «Принцип общей согласованности» (ПОС). Базовые права, согласно этому принципу, являются необходимыми условиями поступка. В случае конфликта прав приоритет согласно PGC должен быть

⁴³ Gewirth A. Are There Any Absolute Rights? // Absolutism and its consequentialist critics. P. 130.

отдан в пользу того права, выполнение которого является более необходимым для действия или поступка. Таким образом, Гевирт предлагает иерархическую модель наподобие «иерархического абсолютизма» (graded absolutism) Н. Гейслера⁴⁴. В качестве наиболее вероятного «кандидата» на роль права, находящегося на вершине этой иерархии, по мнению философа, выступает право на жизнь (со стороны реципиента). В качестве его коррелята со стороны морального агента выступает негативный долг воздержания от убийства человека.

Отдельно Гевирт рассматривает проблему, когда сталкиваются права и катастрофические последствия. «Отношения между правами и катастрофами осложнены тем фактом, что последние, когда они вызваны поступками моральных агентов, сами являются нарушениями прав»⁴⁵. Консеквенциализм утверждает, что право не подвергаться пыткам может быть ограничено в экстремальной ситуации, когда на кону базовое право на жизнь многочисленных потенциальных жертв. С этой точки зрения сам консеквенциализм, по мнению Гевирта, можно рассматривать как абсолютизм в том случае, если он настаивает на абсолютной недопустимости определенных негативных последствий.

Правомерность абсолютистского подхода А. Гевирт доказывает, предлагая аргумент под названием «вмешивающееся действие». Внешне он похож на то, что предлагает доктрина двойного эффекта: соблюдая моральный запрет на нарушение базовых прав в любых обстоятельствах, моральный агент не является непосредственной причиной любых негативных последствий. Однако сам аргумент построен на других основаниях: в том случае, если человек нарушит какую-либо моральную норму для предотвращения возможного большего зла, он напрямую нарушает не просто норму, а право другого человека, что и будет непосредственным моральным злом. Моральный агент, выполняя конкретную обязанность по отношению к конкретному человеку, даже если это сопряжено с негативными последствиями для большинства, не ответственен за них, поскольку не сам по себе отказ морального агента от нару-

⁴⁴ *Geisler N.* Any absolutes? Absolutely! // Christian Research Institute, April 17th, 2009. [Electronic resource] URL: <http://www.equip.org/articles/any-absolutes-absolutely> (дата обращения: 09.01.2014).

⁴⁵ *Gewirth A.* Are There Any Absolute Rights? P. 134.

шения права конкретного человека является причиной негативных последствий, а «вмешивающееся действие» третьей стороны, которая, таким образом, и является непосредственно ответственной за негативный эффект, а не моральный агент. Суть метода Гевирта в том, чтобы «показать, что отказ сына замучить свою мать до смерти не нарушает права других людей на жизнь и поэтому он не ответственен за их гибель»⁴⁶.

При этом Гевирт проводит принципиальную разницу между «конкретным абсолютизмом», проponentом которого он является, и «абстрактным абсолютизмом». Последний озабочен только виновностью или невиновностью морального агента, в то время как конкретный абсолютизм сфокусирован больше на «базовых правах». Конкретный абсолютизм при оценке поступков обязательно должен принимать в расчет их последствия, однако его консеквенциализм не абсолютен, а ограничен базовыми правами, вытекающими из ПОС и которые не могут быть нарушены ни при каких обстоятельствах.

В отличие от доктрины двойного эффекта, которую он критикует, Гевирт не проводит категорической разницы между негативными и позитивными обязанностями. Последние не менее абсолютны в том случае, если они касаются базовых прав. Так, с точки зрения Гевирта, в знаменитом примере Канта из трактата «О мнимом праве лгать из человеколюбия» необходимо солгать нападающему, потому что право на истину, к которому апеллирует преступник, менее абсолютно, чем право на жизнь, которой рискует друг. Так же и в случае с трамваем, у которого отказали тормоза, водитель должен свернуть на тот путь, где людей меньше, чтобы уменьшить последствия аварии, которая в любом случае произойдет, независимо от его воли. Однако использовать динамит в случае «тучного спелеолога» было бы недопустимо.

Несмотря на свой потенциал, абсолютизм Гевирта, на мой взгляд, окажется беспомощным в ситуации моральной дилеммы краниотомии. Единственным правильным решением с точки зрения «вмешивающегося действия» было бы невмешательство в ситуацию. И хотя Гевирт и настаивает на принципиальной разнице между поступком по принципу «вмешивающегося действия» и «позволением» умереть, в данном случае это не будет иметь

⁴⁶ Gewirth A. Are There Any Absolute Rights? P. 141.

большой разницы. Как отмечает Дж. Валдрон⁴⁷, общая проблема абсолютистских концепций, которые пытаются решить проблему посредством перекалывания ответственности за негативные последствия на других, в том, что они пытаются ограничить ответственность только областью свободной воли индивида. Но на самом деле выбор идет не между нарушением и соблюдением нормы, а между двумя альтернативными состояниями мира. Если речь идет о кейсе «тикающая бомба», то обе альтернативы заданы ситуацией бомбы, которую заложил не моральный агент, а террористы, и поэтому не он ответственен за саму ситуацию. Но «именно мой свободный выбор между двумя возможными мирами, M1 и M2, определяет то, что произойдет дальше, и я должен принять ответственность за обе альтернативы»⁴⁸, – считает Валдрон.

Вместо заключения. «Моральная непредставимость»

В целом, подход Гевирта позволяет обосновать с абсолютистской точки зрения и привести в согласие с моральной интуицией решение большинства «трудных случаев», в которых буксуют доктрина двойного эффекта и антиконсеквенциализм Донагана, основанный на сомнительной, чересчур широко трактуемой идее вины. И Фут, и Донаган исходят из того, что есть определенные действия, например убийство невинного, которые абсолютно недопустимы. Таким образом, характерные особенности морального абсолютизма – эксклюзивизм и негативизм – проявляются весьма отчетливо в их теориях. Однако их нормативно-этический подход сталкивается с трудностями тогда, когда необходимо объяснить, почему в некоторых случаях необходимо руководствоваться именно количественной логикой. В этом смысле подход Гевирта, основанный на концепции абсолютных прав как определенных базовых ограничений, которые лишь очерчивают поле морали, но не исчерпывают ее смысл, заключающийся в содействии благу других, кажется более перспективным и компромиссным. Хотя и подход Гевирта не лишен

⁴⁷ См.: *Waldron J. What are Moral Absolutes Like?* P. 30.

⁴⁸ Ibid.

некоторых недостатков, в частности в случае краниотомии он все-таки не предоставляет моральной интуиции более или менее убедительного решения.

Конечно, абсолютистская этика исходит из ряда аксиом и постулатов, и самый теоретически уязвимый из них – тезис о самоочевидности моральной истины для простых обывателей. Однако простой опыт подсказывает, что многообразие моральной практики и условий, в которых она может осуществляться, чересчур велико, чтобы иметь возможность определить единый, интуитивно ясный критерий для всех возможных случаев, и уж тем более – для всех возможных миров, как того хотел Кант. Появление такого критерия означало бы, возможно, ликвидацию морали именно как человеческой морали, превращение ее во вселенский, т. е. надчеловеческий, закон.

Думается, единственным выходом здесь, как это ни парадоксально может звучать, является позиционирование морали в условно-абсолютистском ключе. В конце концов, язык морали, как и любой язык, имеет смысл только в определенных условиях. Мораль как особый язык, как особая логика, предписывающая абсолютно, может быть релевантна только в тех ситуациях, где этот абсолютистский модус уместен.

Например, в романе У. Стайрона «Выбор Софи»⁴⁹ весьма убедительно с художественной точки зрения показано, как язык морали теряет свой смысл в условиях Аушвица-Биркенау. Ситуацию, в которую попала Софи, лучше всего характеризует принцип «моральной непредставимости», сформулированный Б. Уильямсом: «Бывают настолько чудовищные ситуации, что сама мысль о том, что моральное рассуждение может дать какой-то адекватный такой ситуации ответ, кажется безумной. <...> Если сама ситуация безумна, то безумием было бы пытаться постигнуть ее с помощью разума»⁵⁰.

«Случай Софи» в целом аналогичен случаю краниотомии. И там, и там выбор в пользу одной альтернативы автоматически влечет за собой смерть человеческого существа. Разница лишь в том, что врач своими действиями, спасая одного, будет напрямую способствовать смерти другого. Софи же своим выбором никого

⁴⁹ Стайрон У. Выбор Софи. М., 2010.

⁵⁰ Williams B. Critique of Consequentialism. P. 100.

не убивает, убивают нацисты, однако именно от ее выбора зависит, кого из ее детей они убьют сразу. Что должен делать врач, что должна делать Софи? Думается, мораль в таких ситуациях может иметь только негативный смысл – как безмолвное «ничтожение» самой этой ситуации, не поддающейся никакой разумной логике, потому что нарушена базовая, матричная логика разума – логика морали. Это означает, что любой выбор, любой поступок в таких условиях будет морально индифферентен. Однако класс таких ситуаций весьма узок и может быть достаточно четко фиксирован. За рамками же подобных ситуаций наиболее последовательной и умеренной позицией является, как мне кажется, «конкретный абсолютизм» Гевирта.

Список литературы

- Апресян Р.Г.* Смысл морали // Мораль: Разнообразие понятий и смыслов: сб. науч. тр. к 75-летию акад. А.А. Гусейнова. М., 2013. С. 35–63.
- Бахтин М.М.* <К философии поступка> // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 7–69.
- Гусейнов А.А.* Нравственность в свете негативной этики. Смысл морали // Мораль: Разнообразие понятий и смыслов: сб. науч. тр. к 75-летию акад. А.А. Гусейнова. М., 2013. С. 13–34.
- Гусейнов А.А.* Об идее абсолютной морали // *Вопр. философии.* 2003. № 3. С. 3–12.
- Кузнецова Г.В., Максимов Л.В.* Природа моральных абсолютов. М.: Наследие, 1996. 128 с.
- Левин С.М.* Мораль, метафизика и реальность // *Вопр. философии.* 2013. № 7. С. 144–153.
- Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
- Прокофьев А.В.* Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о применении силы // *Этическая мысль.* Вып. 14. М., 2014. С. 43–64.
- Стайрон У.* Выбор Софи / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. 700 с.
- Donagan A.* Cases of Necessity // *Absolutism and its consequentialist critics.* Lanham, 1994. P. 41–62.
- Donagan A.* The Theory of Morality. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1977. 294 p.

Duff R.A. Absolute Principles and Double Effect // *Analysys*. 1976. Vol. 36. No. 2. P. 68–80.

Foot P. Morality as a System of Hypothetical Imperatives // *The Philosophical Review*. 1972. Vol. 81. No. 3. P. 305–316.

Foot F. The Problem Of Abortion And The Doctrine Of The Double Effect // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham, 1994. P. 147–158.

Frey R.G. What a Good Man Can Bring Himself to Do // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham, 1994. P. 109–117.

Fried C. Right and Wrong as Absolute // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham, 1994. P. 73–92.

Geisler N. Any absolutes? Absolutely! // *Christian Research Institute*, April 17th, 2009. [Electronic resource] URL: <http://www.equip.org/articles/any-absolutes-absolutely/>

Gewirth A. Are There Any Absolute Rights? // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham, 1994. P. 129–146.

Haber J.G. Introduction // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham, 1994. P. 1–15.

McConnell T.C. Moral absolutism and the problem of hard cases // *The Journal of Religious Ethics*. 1981. Vol. 9. No. 2. P. 286–297.

Nagel T. War and Massacre // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham, 1994. P. 217–237.

Nielsen K. Against Moral Conservatism // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham, 1994. P. 161–175.

Reynolds T. Moral Absolutism and Abortion: Alan Donagan on the Hysterectomy and Craniotomy Cases // *Ethics*. 1985. Vol. 95. No. 4. P. 866–873.

Waldron J. What Are Moral Absolutes Like? // *New York University Public Law and Legal Theory Working Papers*. Paper 301, 2011. [Electronic resource] URL: http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1302&context=nyu_plltwp

Williams B. A Critique of Consequentialism // *Absolutism and its Consequentialist Critics*. Lanham, 1994. P. 93–107.

Torture: Moral Absolutes and Ambiguities / Eds.: B. Clucas, G. Johnstone, T. Ward. Baden-Baden: Nomos, 2009.

Moral Absolutism: General Description and Contemporary Approaches

Gleb Mekhed

PhD in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 14/5 Volkhonka Str., Moscow 119992, Russia; e-mail: mekhed_gleb@mail.ru

The author addresses the problem of the definition of moral absolutism and its peculiar features. The analysis shows that the specificity of moral absolutism consists in a special interpretation of moral obligation, to which the highest value is attached. Such an approach leads to a radical opposition between moral ought and reality and presupposes dualistic ontology. Some characteristic features of absolutism are illustrated by the discussions that have been conducted in English-speaking ethics since the late 60's of the 20th century. These discussions have revealed essential differences between absolutist and consequentialist approaches. They implicitly affect all contemporary normative and ethical discourse. The article briefly analyzes and discusses Philippa Foot's concept of double effect, Alan Donagan's deontology and Alan Gewirth's 'specific absolutism'.

Keywords: ethics, moral absolutism, deontology, consequentialism, the doctrine of double effect, Alan Donagan, Philippa Foot, Alan Gewirth

References

Apressyan, R. "Smysl morali" [The Meaning of Morality], *Moral': raznoobrazie ponyatii i smyslov* [Morality: Diversity of Concepts and Meanings], ed. O.P. Zubets. Moscow: Al'fa-M Publ., 2013, pp. 35–63. (In Russ.)

Bakhtin, M.M. "K filosofii postupka" [To the Philosophy of the Act], in: M.M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii*, 4 t. [Collected Works, 7 vols.], vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 7–69. (In Russ.)

Donagan, A. "Cases of Necessity", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 41–62.

Donagan, A. *The Theory of Morality*. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 294 p.

Duff, R.A. "Absolute Principles and Double Effect", *Analysys*, 1976, vol. 36, no 2, pp. 68–80.

Foot, F. "The Problem Of Abortion And The Doctrine Of The Double Effect", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 147–158.

Foot, P. "Morality as a System of Hypothetical Imperatives", *The Philosophical Review*, 1972, vol. 81, no 3, pp. 305–316.

Frey, R.G. "What a Good Man Can Bring Himself to Do", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 109–117.

Fried, C. "Right and Wrong as Absolute", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 73–92.

Geisler, N. "Any absolutes? Absolutely!", *Christian Research Institute*, 2009 (April 17th), [<http://www.equip.org/articles/any-absolutes-absolutely/>], accessed on 09.07.2014].

Gewirth, A. "Are There Any Absolute Rights?", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 129–146.

Guseinov, A. "Nravstvennost' v svete negativnoi etiki. Smysl morali" [Morality in the Light of Negative Ethics. The Meaning of Morality], *Moral': raznoobrazie ponyatii i smyslov* [Morality: Variety of Concepts and Meanings], ed. O.P. Zubets. Moscow: Al'fa-M Publ., 2013, pp. 13–34. (In Russ.)

Guseinov, A. "Ob idee absolyutnoi morali" [On the Idea of Absolute Morality], *Voprosy filosofii*, 2003, no 3, pp. 3–12. (In Russ.)

Haber, J. G. "Introduction", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 1–15.

Kuznetsova, G., Maksimov, L. *Priroda moral'nykh absolyutov* [The Nature of Moral Absolutes]. Moscow: Nasledie Publ., 1996. 128 p. (In Russ.)

Levin, S. "Moral', metafizika i real'nost'" [Morality, Metaphysics and Reality], *Voprosy filosofii*, 2013, no 7, pp. 144–153. (In Russ.)

McConnell, T. C. "Moral absolutism and the problem of hard cases", *The Journal of Religious Ethics*, 1981, vol. 9, no 2, pp. 286–297.

Nagel, T. "War and Massacre", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 217–237.

Nielsen, K. "Against Moral Conservatism", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 161–175.

Nozick, R. *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State, and Utopia]. Moscow: IRISEN Publ., 2008. 424 p. (In Russ.)

Prokof'ev, A. "Moral'nyi absolyutizm i doktrina dvojnogo efekta v kontekste sporov o primenenii sily" [Moral Absolutism and the Doctrine of Double Effect in the Context of the Debate About the Use of Force], *Eticheskaya mysl'*, 2014, no 14, pp. 43–64. (In Russ.)

Reynolds, T. "Moral Absolutism and Abortion: Alan Donagan on the Hysterectomy and Craniotomy Cases", *Ethics*, 1985, vol. 95, no 4, pp. 866–873.

Stairon U. *Vybor Sofi* [Sophie's Choice], trans. T. Kudryavtseva. Moscow: AST Publ., 2010. 700 p. (In Russ.)

Torture: Moral Absolutes and Ambiguities, ed. by B. Clucas and G. Johnstone, T. Ward. Baden-Baden: Nomos, 2009.

Waldron, J. "What Are Moral Absolutes Like?", *New York University Public Law and Legal Theory Working Papers*, paper 301, 2011. [http://sr.nellco.org/nyu_plltwp/301, accessed on 05.07.2014].

Williams, B. "A Critique of Consequentialism", *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1994, pp. 93–107.